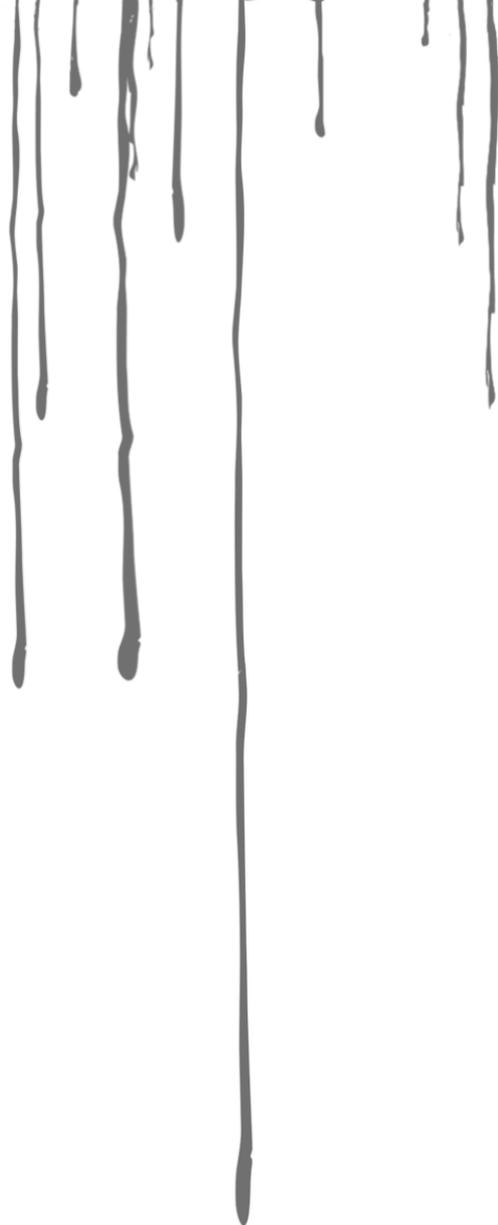

Светлана Скиба

МОСКВА

Светлана Скиба

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С42

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Feodora_21 / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Редактор серии *София Захарова*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Скиба, Светлана.
С42 Агнец / Светлана Скиба. — Москва : Эксмо,
2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-222275-7

После тяжелой депрессии Инга отправляется в Горный Алтай, чтобы восстановить душевные силы. Но вскоре она понимает, что чудодейственный поселок Чулык — ловушка, а она — безмолвный агнец, обреченный стать жертвой кровавого ритуала. С каждым днем граница между реальностью и кошмаром стирается, заставляя сомневаться: не рождается ли ужас в ее собственном сознании?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222275-7

© Скиба С., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Горный Алтай — одно из красивейших
мест в мире, но описанные в этой
книге поселок Чулык, его окрестности
и проживающие там люди не имеют
ничего общего с реальностью.
Все перечисленное лишь плод
авторской фантазии.

*Я раньше не задумывалась
о смерти по-настоящему. Никогда не
ощущала ее присутствие, не верила
в фатальность судьбы, а уж тем более
в жизнь после смерти. Она коснулась
меня так внезапно, что я успела едва
вздрагнуть, как агнец, отданный
на заклание богам. Мое сердце
разверзлось и уже никогда
не стало прежним.*

О Марууш, смотрящая на меня сверху,
Сделай так, чтобы я завтра мог увидеть тетерева,
Когда тетерев сидит на яйцах.
Чтобы я мог взбить желток
Кисточками из волос манула,
Которые прикреплены к маленькой палочке,
На которой хвост манула.
О моя рука, вот эта,
Я застрелю марала моей рукой
При помощи стрелы.
Я ложусь,
Я хочу пораньше убить марала
Завтра.
О Марууш, лежащая здесь,
Позволь мне убить марала
Завтра,
Чтобы я смог съесть марала.
Я выкопаю дары земли
Завтра,
Позволь мне съесть их.
О Марууш, проходящая здесь,
Я отдаю тебе свое сердце,
Ты отдай мне свое.
О Марууш, живущая здесь,
Я мог бы увидеть лося завтра.
Позволь мне убить его,

Позволь мне наесться вдосталь,
Чтобы я мог лечь и спать ночью.
О Марууш, выходи, дай нам воду.
О Марууш, пошли нам грозу с ливнем.
О Марууш, стряхни нам сверху ее.
О Марууш! О Марууш!
Разве мы не твои дети?
Разве ты не видишь, что мы голодны?
Дай нам пиццу!
И она дает нам полными пригоршнями.

1

Рокот двигателей самолета успокаивает, я никогда не боялась летать. Я смотрю в иллюминатор, напоминающий глаз длинного чудаковатого животного. Самолет бороздит пуховые сгустки облаков, такие плотные и необъятные, что кажется, это навсегда. Рядом со мной сидит молодая женщина и постоянно поглядывает на выход, будто собирается в любую секунду покинуть самолет. Она нервными, дергаными движениями приглаживает короткие, торчащие ежиком волосы мальчугану лет восьми. Скорее всего, своему сыну. В отличие от мамы ребенок спокоен, он полностью растворился в игре на планшете. Я кидаю взгляд на экран айпада и невольно задерживаюсь в виртуальной жизни улыбчивого квадратного человечка, который с энтузиазмом строит дом и разбивает сад с плодовыми деревьями. Затем, как и положено улыбчивым квадратным человечкам, он обзаводится семьей и даже прямоугольной собакой с виляющим хвостом.

Хм... ну пусть попробует. Я тоже пробовала, но у меня ничего не вышло.

Вырвавшийся из динамиков голос командира воздушного судна объявил, что мы находимся на высоте десять тысяч метров, за бортом температура минус пятьдесят пять градусов по Цельсию и нужно пристегнуться ремнями безопасности, потому что мы входим в зону турбулентности.

Я послушно щелкаю замком на ремне и делаю глубокий вдох. Боинг начинает трясти: вверх-вниз, вверх-вниз, как щепку в бурлящем потоке воды. Дрожащими руками соседка достала бумажный пакет, по ее лбу стекают капельки пота. Мальчик оторвался от игры и вцепился руками в подлокотники кресла, женщина судорожно задышала в шелестящий пакет, где-то в хвосте самолета заплакал младенец, а я закрыла глаза и представила себя в парке, на американских горках.

На самом деле я никогда в жизни не каталась на американских горках, но почему-то представляла себе их именно такими. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Когда я была маленькой, как сидящий рядом мальчуган, мой дедушка водил меня по выходным в парк аттракционов. Это было истинным счастьем. С тех пор прошло много лет, дедушки уже двенадцать лет нет в живых, а я до сих пор помню тот ветер в ушах и дикий восторг от того, как огромное существо под названием Ромашка несет тебя на дикой скорости в своей утробе. Тогда я была самым счастливым ребенком в мире. Потом я повзрослела, дедушки не стало, а аттракционы перестали излучать волшебство, они превратились в примитивные устройства, совершающие однообразные

движения от нажатия кнопки. Ничего удивительного. В жизни вообще нет места чудесам, в этом я абсолютно уверена. Убедиться в этом мне помог мой муж, точнее бывший. До сих пор не привыкну, что я с ним развелась.

«Быть разведенной — это неприлично, — так считает моя мать, — каждая порядочная женщина должна иметь семью». Даже замаскировав очередной синяк на лице, поставленный моим отцом, она не отступала от своих убеждений. «В нашей семье не разводятся», — твердила мать как мантру. Новость о моем разводе привела ее в ужас, граничащий с неистовством. Если бы я заявила, что убила человека, это бы произвело куда меньший эффект. Так или иначе, развод стал некоей точкой отсчета моей новой жизни.

Я открываю глаза, за иллюминатором сизые облака посветлели, стали почти белоснежными, словно свадебное платье. Мое свадебное платье. «Замужество» сейчас для меня звучит как архаизм, я больше не хочу ввязываться в такую кабалу. Тогда казалось, что это любовь, но сейчас я понимаю — любви не существует. Все эти чувства с замиранием сердца при виде любимого можно объяснить по-научному: всплеск гормонов, животный инстинкт, похоть, в конце концов.

Все началось через год-полтора после свадьбы, хотя, возможно, звоночки были и раньше, только я их не замечала или предпочитала не замечать. Тогда мой муж, как Паук, начал незримо плести свою паутину вокруг глупой Мошки, перепутавшей пау-

чьи фестоны с мягкой периной. Глупая Мошка и не заметила, как Паук начал высасывать из нее кровь, силу, веру в себя. Когда была нужна поддержка, она получала лишь подножку, восемь подножек, но почему-то не замечала и их. Потом Паук убедил глупую Мошку, что она разучилась ходить, раз она так часто спотыкается, и только он способен дать ей опору. Мошка считала так же, и паутина становилась крепче. Как же она не замечала очевидно-го? Когда меня повысили на работе с обычного менеджера до начальника отдела продаж, что сказал «любящий и заботливый супруг»? Ничего. Паук лишь посильнее затянул липкий кокон, удивленный и уязвленный тем, что Мошка еще на что-то способна. А значит, в глубине ее души еще есть силы, чтобы расправить крылья. Наступил момент, и глупая Мошка расправила их, потрепанные, жалкие, но еще способные вырваться из сдерживающих пут.

Младенец продолжал неистово кричать, хотя самолет уже перестало трясти. От этого душераздирающего звука с запредельными децибелами разболелась голова.

«Когда же он заткнется?» — воззвала я к небесам и тут же поймала себя на мысли, что я плохой человек, раз так отзываюсь о детях. Дети... Еще одна моя боль. Сколько у меня этих незалатанных дыр? Так и есть, я ощущаю себя лоскутным одеялом, в котором между кусочками ткани образовались дыры. Нити, связывающие лоскутки, истрепались, порвались местами, и теперь это одеяло ни на что не годится. Его остается только выкинуть.

«Пустая, — прошипел Паук после второго года супружества, — ты даже зачать ребенка не можешь».

Ядовитые высказывания, брошенные так тихо, шепотом, как бы вскользь, больно ранили и без того тонкую кожу Мошки.

Пустая, пустая, пустая.

Это слово так сильно вгрызлось в мой мозг, что это стало вторым моим именем. Кто ты? А я отвечу: пустая. Да, когда человеку каждый день повторяют, что он кактус, он рано или поздно начнет искать на себе иголки. Газлайтинг — есть такое модное слово в психотерапии — как раз об этом. Меня несколько раз заносило в кабинет психолога, но от одной меня толку мало, так сказала врач. Молодая, ухоженная женщина, обвешанная бусами Шанель, как новогодней гирляндой, посоветовала мне прийти с мужем: по ее словам, только так она сможет выстроить наши отношения. Выстроить... мне это слово тоже не нравится.

Затем эта доктор-психолог расписала мне посещение на полгода вперед и обозначила сумму, приближающуюся к стоимости моей однокомнатной квартиры в Химках. После этого я завязала с психологией. Единственное, что мне пригодилось после посещения ее кабинета, — понимание, что только я сама могу спасти себя, вытянуть себя из болота, в котором застряла. Такая простая и понятная мысль, но она почему-то раньше не задерживалась в моей голове, мне все время хотелось, чтобы кто-то помог мне это сделать. Сначала роди-

тели, потом Глеб, так зовут моего «любящего и заботливого мужа». И только после общения с этой женщиной в бусах Шанель меня словно током прошибло и внутри глупой Мошки проснулся кто-то новый. Еще сильный, еще смелый, еще с чувством собственного достоинства, и имя его — Достаточно.

Мне больше не хотелось видеть вечно хмурое, недовольное лицо мужа, слушать от него упреки, находиться с ним в одной комнате, дышать одним воздухом. Достаточно. Целых пять лет я не чувствовала себя, была словно придатком мужа, надстройкой, которую можно выключить, если нет настроения. Почему я не ушла от него раньше? Почему сама себе не позволяла дышать столько лет? Я не могла на это ответить, я была точно парализована, подавлена страхом и волей другого человека.

Воспоминания жгучей лавой всколыхнулись в проснувшемся вулкане души, и непрощенные стыдливые слезы покатались по щекам.

— Все уже хорошо, мы вышли из зоны турбулентности. — Соседка протянула мне бумажную салфетку.

— Да, вышли, — кивнула я, вытерев слезы.

— Я тоже боюсь летать, ужас как боюсь, — покачала головой она, убрав с влажного лба прилипшие светлые волосы. Ее покрасневшее мясистое лицо лоснилось, тяжелая грудь вздымалась, вместе с ней взлетали розовые цветы, разбросанные по кофте.

— А вот Марик ничуть не боится. — Женщина кивнула на мальчугана, снова уткнувшегося в планшет. — Но ему только семь, он мало что понимает.